

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений	9
Благодарности	10
Особые замечания о терминологии книги	15
<i>Введение.</i> Пути в центр(ы)	16
<i>Глава 1.</i> Глобальные советские города	35
От империи к Союзу	40
Города, страны и миграция после Второй мировой войны	47
Советский Союз отворачивается от южных республик	62
Трудности с пропиской	70
<i>Глава 2.</i> Дружба, свобода, мобильность и образ «старшего брата»	78
Эволюция принципа дружбы народов	83
Дружба народов в Ленинграде и Москве	93
Дни. Недели. Декады	98
Гордость за родину и свобода	104
Что значит быть советским человеком: о нации и образе «старшего брата»	110
Тоска по СССР	123
<i>Глава 3.</i> Найти свое место и обустроиться в двух столицах	128
Дом и место вдали от дома	131
От периферии к ядру	145
Первые впечатления и первые контакты с городскими жителями	154
Новообретенный дом	172

<i>Глава 4. Расы и расизм в СССР</i>	179
Уровень нетерпимости в принимающих городах	183
Реакция мигрантов на дискриминацию	195
Государство, (не)терпимость к приезжим и дом	210
<i>Глава 5. Стать «своим» в двух столицах</i>	224
Сети связей и чувство принадлежности	232
Статус и города	241
Работа и достижение успеха	249
Свои, отношения между полами и секс	261
Свои и государство	265
Городская жизнь и лояльность	270
<i>Глава 6. Мигранты как маргинальный слой общества</i>	275
Путь в крупные города	280
Адаптация	285
Принимающее сообщество: восприятие и встречи	292
Движение и идентичность	299
Связи с домом	305
<i>Глава 7. Перестройка</i>	311
Ранняя перестройка	317
Забытая периферия	320
Начало кризиса	326
Центр не держит: 1990–1991 гг.	339
Нелегкий выбор: остаться в городе или уезжать домой?	350
<i>Заключение. Мигранты: красные или «черные»? . . .</i>	360
<i>Приложение. Устные истории мигрантов: места, люди и их взаимоотношения . . .</i>	370
Примечания	385
Библиография	438
Указатель	458

Посвящается Петре, Кэролайн, Эндрю, Брахму и Джуди

Мой адрес не дом и не улица,
Мой адрес — Советский Союз.

— из песни советского композитора Д. Тухманова, 1973

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАМ — Байкало-Амурская магистраль (Байкало-Амурская железная дорога)

ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства

ГУМ — Государственный универсальный магазин

КУТВ — Коммунистический университет трудящихся Востока

ЛКН — лица кавказской национальности

ПТУ — профессионально-техническое училище

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

ССР — Советская Социалистическая Республика

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

БЛАГОДАРНОСТИ

На создание этой книги ушли годы, и мне хотелось бы многих поблагодарить. Неполный список этих людей начинается с семидесяти пяти граждан Советского Союза, которые посвятили мне время и вдумчиво подошли к своим рассказам, положенным в основу данного проекта. Не менее важную роль в создании книги сыграли мои коллеги и аспиранты, которые помогали мне с проведением интервью. Вместе нам удалось опросить армян, азербайджанцев, бурятов, грузин, казахов, кыргызов, представителей северокавказских народов, таджиков и узбеков. Интервью проводились и по телефону с потрескивающим сигналом, но в основном лично: в Оттаве, Нью-Йорке, Санкт-Петербурге и Москве, в Баку, Ленкоране, Алматы, Ташкенте, Бишкеке и в малых кыргызских селах, а также в Тбилиси и Кутаиси. Лиза Гринспун, Эллисон Киттинг, Алтынай Тешебаева, Шахноза Матназарова, Рауф Гарагзов, Таир Фарадов, Мехригуль Аблезова, Гульмира Чурокова, Акмарал Арзыбаева, Райан Бьюкенен и Ия Эрадзе — благодаря этой команде мы обнаружили и опросили респондентов в перечисленных регионах с 2005 по 2011 гг. Брюс Грант и Мадден Ривз выступили отличными культурными посредниками в моих полевых исследованиях в селах Азербайджана и Кыргызстана. Я думаю, что мне очень повезло, ведь я получил доступ к ярким личным воспоминаниям и узнал о взглядах людей как на обыденность, так и на необычные моменты в позднесоветском обществе и культуре.

Основное финансирование проекта осуществлялось за счет Совета Канады по исследованиям в области социальных и гуманитарных наук. Внутренние гранты, полученные от Карлтонского университета, позволили мне провести начальные полевые исследования, а также были полезны на финальном

этапе работы. Институт исследований Европы, России и Евразии и его выдающиеся руководительницы, Жинетт Ляфлёр и Крысия Котарба, оказали значительную помощь моему проекту в технических вопросах. Я также получил поддержку как сотрудник Международной лаборатории миграционных исследований Южно-Уральского государственного университета, за что особенно хочу поблагодарить Юлию Хмелевскую и Ольгу Никонову. Посольство Азербайджана в Канаде, Посольство Узбекистана в Канаде и США, а также Университет Центральной Азии помогли мне правильно организовать мои перемещения во время экспедиций.

В поисках опубликованных документов, касающихся позднесоветской миграции, я проделал долгий и увлекательный путь. В Карлтонском университете Александра Блейк и блестящие сотрудники нашей библиотеки разыскивали нужные мне источники по всему миру. Юлдуз Кутлиева долгие часы посвятила тому, чтобы просмотреть все советские газеты в нашей университетской библиотеке, а Патрик Рид получил для меня доступ к коллекциям Университета Индианы. Хелен Салливан, Ян Адамчик и Кит Кондилл из Справочной службы по славистике Иллинойского университета в Урбане-Шампейне работали со мной от начала и до конца проекта. Кроме того, я советовался с Терри Миллером в Университете штата Мичиган. Эрик Скотт, Криста Гофф, Патрик Рид и Райан Бьюкенен оказали мне содействие в работе с базой архивов в Баку и Москве. Саадат Маммадова, Фарид Шафиев и Эйми Доббс помогли мне получить доступ к библиотеке Баку, хотя в итоге мне так и не удалось добраться до бакинских архивов для работы над исследованием (которое показалось азербайджанским работникам библиотеки странным, возможно, даже подозрительным). Бен Лоринг и Гульмира Мусуралиева указали мне, в какие архивы и библиотечные фонды Кыргызстана мне стоит обратиться. Среди сотрудников блестящей команды, работающей в Центральном государственном архиве

общественно-политической документации Кыргызской Республики, именно Мира Калилова уделила время тому, чтобы разобраться в условиях и причинах, по которым я осмеливаюсь характеризовать перемещения людей внутри Советского Союза как «миграцию». А Институт стратегических и межрегиональных исследований (в Ташкенте) привлек библиотекарей Национальной библиотеки Узбекистана им. Алишера Навои для помощи в поиске материалов об отношении и связях Узбекистана с Ленинградом и Москвой для проекта.

Я благодарен коллегам, которые на протяжении всего этого времени — более десяти лет — оказывали мне интеллектуальную поддержку во время раздумий и работы над книгой. Впервые мне удалось выдвинуть свои размышления как исследовательскую гипотезу и обсудить их, когда я работал научным ассистентом Дианы Кёнкер в Иллинойском университете (в Урбане-Шампейне). Благодаря ее терпению и мастерскому научному руководству я обрел представления о том, каковы образцовые качества ученого и человека. В начале пути меня вдохновляли коллеги, такие как Антуанетта Бёртон, Кит Хитчинс, Адиб Халид и Марк Штейнберг. А когда я стал профессором, в Льюисе Г. Сигельбауме я удивительным образом обрел одновременно наставника и коллегу, который разделяет мое мнение о важности изучения восходящей мобильности в Советском Союзе. Тему межкультурных связей мы не раз обсуждали в ценных дискуссиях с Адриэнн Эдгар. Помимо уже упомянутых мною коллег, я благодарю за советы и поддержку Сергея Абашина, Лауру Адамс, Сару Бринегар, Джеймса Кастила, Хезер Коулман, Эмили Эллиотт, Юлию Градскову, Али Игмена, Аблета Камалова, Марианну Камп, Адиба Халида, Машу Кирасирову, Натаниэля Найта, Дениса Козлова, Марлен Ларюэль, Майки Леманна, Терри Мартина, Максима Матусевича, Дэвида МакДональда, Лесли Пейдж Мох, Александра Моррисона, Сарфароза Ниёзова, Дугласа Нортропа, Себастьяна Пейруза, Джеймса Пикетта, Джона Рэндольфа, Блэр Рабль,

Айсака Скарборо, Эда Шаца, Чарльза Шоу, Мирейю Тиноко, Анну Мари Уиттингтон и Арифа Юнусова. В полевых исследованиях меня серьезно поддерживали доброе отношение и советы коллег, старых и новых: Ирины Левиной, Эйми Доббс и Брюса Гранта — в Баку, а также Эльмиры Кучумкуловой, Дюшона Шаматова, Марии Лоу и Майи Петерсон — в Бишкеке.

Я получил прекрасные и полезные отзывы от коллег: на семинаре рабочей группы по исследованиям Центральной Евразии (Калифорнийский университет, Беркли, 2008 г.); на семинарах по истории среднезападной России (Университет штата Мичиган, 2009 г. и Университет Торонто, 2015 г.); во время серии выступлений на конференции «InterAsia» (Йельский университет, 2015 г.), а также на симпозиуме проекта «Контактные зоны» (Университет Сетон-Холл, 2015 г.). Кроме того, данный проект я представлял по частям на ежегодных съездах Общества центральных евразийских исследований и Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований так много раз, что едва ли смогу припомнить их все. Среди других площадок, на которых я разрабатывал идею проекта — Бингемтонский университет (на конференциях, проводимых Ассоциацией по изучению национальностей, и во время моих докладов в качестве приглашенного спикера), Университет Торонто, Центр исследований ресурсов Кавказа в Баку, Университет Центральной Азии, Южно-Уральский государственный университет, Университет Сёдертёрна, Университет Далхаузи, Босфорский университет, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо и Оксфордский университет. Также я благодарю корректоров и редакторов: Яна Э. Гольдштейна, Джейн Хеджес, Адиба Халида, Мэри Лиз, Мадден Ривз и Марка Стейнберга, а также анонимных рецензентов, которые одобряли к публикации статьи, предшествовавшие этой монографии. Среди подобных набросков проекта — статья под названием «„Дружба народов“ или гражданство „второго сорта“? Советские азиатские мигранты в постколониальном мире» в журнале

«Центральноазиатские исследования»¹. Ранняя версия главы 6 была опубликована под названием «Торговцы по случайности: маргинализация и возможность перебраться из южных республик в позднесоветскую Москву»². Главы 3 и 5 включают материалы, опубликованные впервые как часть исследования «Советские „черные“ и их попытки устроиться в Ленинграде и Москве» в журнале «Славянское обозрение»³. Глава 4 основана на статье «Черномордые, валите домой! Миграция и раса в позднесоветских Ленинграде и Москве»⁴.

Роджер Хейдон в равной мере давал полезные советы и поддерживал меня на протяжении всего процесса работы над книгой. Его быстрые ответы и внимательное чтение рукописи заметно улучшили ее качество. Я благодарен ему и за то, что он нашел двух вдумчивых анонимных рецензентов и со вниманием отнесся к их комментариям. Пол Госслин помогал на этапе завершающих штрихов, еще раз прочитав финальный вариант рукописи перед сдачей в издательство. Кроме того, он помог мне собрать нужные фотографии для книги. Неравнодушие Джейн Личти и Мишель Витковски к работе и их внимание к деталям способствовали тому, что этот долгосрочный проект был доведен до конца.

Петра Элинс была неотъемлемой частью этого проекта на всех этапах работы над ним и почти на всех этапах его реализации. Ее любовь и поддержка всегда присутствовали в моей жизни и стали основой моей карьеры. Наши дети, Кэролайн Элинс и Эндрю Сахадео, постоянно справлялись с моим отсутствием: то физическим, когда я уезжал в далекие страны, то мысленным, когда я продумывал этот проект. Мой отец, Браhm Сахадео, чей опыт жизни в Лондоне после Второй мировой войны позволил мне связать эту работу с более глобальным контекстом, скончался до того времени, когда мы могли бы поговорить о моих исследованиях. Он и моя мать, Джуди Сахадео, замыкают круг самых близких мне людей, которым я и посвящаю эту книгу.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ТЕРМИНОЛОГИИ КНИГИ

В Союз Советских Социалистических Республик в период с 1956 по 1991 гг. входило пятнадцать союзных республик. СССР состоял из Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) и четырнадцати национальных республик, или Советских Социалистических Республик (ССР). В официальных документах эти регионы упоминаются с использованием их русскоязычных названий: Грузинская ССР (Грузинская Советская Социалистическая Республика), Узбекская ССР (Узбекская Советская Социалистическая Республика) и т. д. В этой книге я решил сохранить те названия республик, которые использовали участники моих интервью. Они отражают более простую терминологию для обозначения частей СССР, которая также использовалась в советское время: Россия; Грузия, Армения и Азербайджан; Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан; и — в случаях, когда участники моих интервью путешествовали, — Беларусь, Украина, Латвия и Литва. Рассматривая формальные вопросы, я сохраняю более официальные названия республик (ССР). Говоря о Кыргызстане, я использую транскрибирование с современного кыргызского, а не русифицированную версию слова — «киргизский».

Все интервью переведены мной с помощью членов моей команды. Все переводы из опубликованных источников также осуществлены мной в случаях, если не указано обратное.

Введение

ПУТИ В ЦЕНТР(Ы)

В поисках способов помочь своей тяжелобольной сестре, Джасур Хайдаров в 1982 г. оставил жену с семьей детьми в узбекском селе недалеко от Оша (Кыргызстан)¹. В том же году Эльнур Асадов, на плечи которого после смерти отца легла ответственность за семью, покинул Баку, чтобы отыскать более прибыльную работу. Их судьбы стали частью растущей тенденции передвижения людей из южных республик Советского Союза и его восточных регионов, в которых проживали сотни тысяч человек, в том числе: таджики, грузины, кыргызы, буряты, а также люди иных местных национальностей и русские. Подобная мобильность породила динамизм, благодаря которому возникла взаимосвязь государства и общества, формального и неформального сектора экономики, центра и периферии. Динамизм, возникший в поздний период существования Союза Советских Социалистических Республик, побуждал к движению отдельных людей, семьи и сообщества. Из-за наличия различных товаров и услуг, а также больших возможностей устроиться на работу в Ленинграде и Москве эти «две столицы» СССР стали наиболее привлекательными местами назначения для мигрантов с юга и востока. Завязавшаяся после случайной встречи дружба Майи Асинадзе с отдыхающей русской женщиной воодушевила девушку на то, чтобы покинуть родную грузинскую деревню у моря и последовать за мечтой — получить высшее образование в советской столице. А Абдул Халимов, «испуганный деревенский мальчик» из села в Таджикистане, в 1978 г. получал высшее образование в Душанбе до тех пор, пока предрассудки, внушаемые ему этническими

русскими, не вынудили его переехать в более «интернациональный» город — Москву². В Советском Союзе и за его пределами он повстречал студентов десятков разных этнических групп, и все они надеялись на вертикальную мобильность — искали шанс получить продвижение в центрах их регионов.

Люди послевоенного поколения предоставили всем этим студентам, рабочим, торговцам и другим мигрантам возможность получать разнообразные государственные квоты и участвовать в программах мобильности, спонсируемых государством. Севда Асгарова в 1952 г. после учебы в Высшей партийной школе в Баку поехала в Москву, чтобы пройти подготовку в области управления. Ее родственники, приезжая в столицу попытать удачу, регулярно гостили в ее комнате в общежитии, которую девушка делила с другими студентами. Акмал Бобокулов прибыл в Ленинград в 1971 г. для службы на Балтийском флоте, впоследствии он прослужит на нем всю жизнь. Его родители, колхозный бухгалтер и учительница, очень гордились успехами и патриотизмом сына, а он пытался помочь устроиться своим землякам из узбекского города Андижан. Несколько заслуженных тренеров СССР, отметивших талант Шухрата Казбекова из Ташкента в области фигурного катания, привезли его в Ленинград, там он выиграл несколько соревнований, а позже преуспел в карьере каскадера на Ленинградской киностудии («Ленфильме»). Лали Утиашвили и ее муж выбрали более привычный способ перебраться в сердце СССР — в 1979 г. они откликнулись на вакансии «плановика-экономиста» и в результате набора рабочих кадров в Грузии оказались в Москве³. В полученный ими по приезду двухэтажный дом в пригороде как к себе домой приезжали их друзья и родственники, желающие ощутить, каково это — жить в большом городе.

Такие передвижения населения сделали Советский Союз в поздний период более динамичным. Советские граждане

с Кавказа, из Центральной Азии* и азиатских регионов России, приезжая в ленинградские и московские вузы, на заводы и фабрики, заселяя улицы, добавили им энергии и привезли с собой дух предпринимательства⁴. В устных рассказах, собранных мной и моей исследовательской группой, акцентируется, насколько важны инициативность, приобретенные навыки и упорный труд в процессе комбинированной социальной и географической мобильности, которая сумела изменить жизнь как местных жителей городов, так и мигрантов. Те слова и порядок действий, которые сопровождали процесс прибытия в новый город, как и неоднозначная государственная политика в отношении миграций, по-прежнему остаются незаметными для нас и отходят в тень современных научных оценок СССР в последние десятилетия. Я же утверждаю, что динамизм миграций позволяет оспорить оценку этого периода как периода застоя, которая преобладала у западных и советских наблюдателей того времени и которая подвергается пересмотру только сейчас⁵. Изучение позднего Советского Союза «снаружи внутрь» и «снизу вверх» как времени движения, а не эпохи застоя, позволяет понять его внутреннюю жизнь, надежды людей и трудности, с которыми они сталкивались в последние годы его существования.

Истории из жизни показывают нам сложный характер социальных сетей: близких и дальних, неформальных и формальных, и их роль в формировании намерения людей позднего СССР переехать. Новые и старые друзья, ближние и дальние родственники, односельчане и соседи по квартире — все они создавали связи, приводившие в движение мечты и реальность переезда на большие расстояния. Выбор индивидуальных стратегий сопровождался бесчисленным множеством государственных программ и институтов: от кампаний профессионального

* Термин «Центральная Азия» использован в переводе, когда автор описывает общий контекст или дает оценку событиям. В историографической части книги мы придерживаемся понятия «Средняя Азия» для указания на соответствующий регион СССР.

и трудового найма до программ, гарантировавших студентам из каждой республики места в ведущих центральных университетах; от многонационального характера Советской армии и Коммунистического союза молодежи (комсомола) до возможности легко и дешево передвигаться по стране. По сравнению с первыми двумя десятилетиями после распада Советского Союза — временем постоянных лишений и страха за свою жизнь, поздний СССР выступает в историях мигрантов как обитель безопасности и свободы. Но в то же время многие респонденты признавали, что движение с Юга на Север и с Востока на Запад в Советском Союзе было следствием дисбаланса между центром и периферией и провоцировало проявления национализма и расизма со стороны русской части населения, которая была вынуждена принимать мигрантов. Перестройка с ее возможностями и неопределенностью вызвала еще более многочисленную волну миграции в привилегированные города СССР. Это усилило националистические настроения и экономическое неравенство, и на рубеже 1990-х гг. проблемы, характерные для советских окраин, проявились и в центре, когда разрушающееся государство не сумело справиться с таким уровнем социального динамизма.

Позднесоветская мобильность изменила как центр, так и периферию. Ленинград и Москва привыкли полагаться на человеческий капитал и ресурсы, которые все больше поступали из крестьянских хозяйств, промышленных городков, небольших деревень и крупных городов восточных и южных окраин СССР. В то время как демографы забили тревогу по поводу увеличения количества седых голов в двух советских столицах, их жители отметили и потемнение цвета кожи населения. Пусть на один или несколько торговых сезонов, на период учебы в университете, период построения карьеры или же на всю жизнь — татары, грузины, азербайджанцы, кыргызы, таджики, буряты и люди других национальностей осваивали центральные пространства Ленинграда и Москвы.

Торговцы и разнорабочие, студенты и профессионалы своего дела идейно связывали свою способность добиться успеха в сердце СССР с принципом равенства граждан; и лишь немногие полагали, что именно неравенство мотивировало их в стремлении преуспеть. С 1930-х гг. советские граждане слышали отовсюду — во время учебы, из средств массовой информации и других источников — утверждения, что модернизация означает урбанизацию; и наполнялись верой в то, что большие города — это символы светлого будущего⁶. Поэтому им казалось, что растущий уровень достатка в центре страны — в порядке вещей. В таких представлениях Ленинград и Москва были пространством для всех, кто готов упорно трудиться, преодолевая трудности интеграции, а иногда и жесткое соперничество, — для тех, кто готов привести общество и государство к процветанию⁷. Как передавались людям в отдаленные деревни и города идеи и ценности, перенятые в центре СССР, так текли туда и рубли, заработанные в центре. А когда в 1980-х и 1990-х гг. возможности экономического роста одновременно сузились и начали распространяться через сети неформальных и формальных связей и движений, иерархичность и напряжение в городах усугубились.

На Ленинград и Москву у лидеров коммунистической партии были большие планы: они надеялись, что эти города станут центрами расширяющегося социалистического мира. Особо важную роль в претензиях на мировое расширение играли Кавказ и народы Центральной Азии: они выступали в качестве представителей и посредников для азиатов и мусульман во время просоветских агитационных кампаний во времена холодной войны. Многонациональные университеты, парады, посвященные их вкладу в общее дело, и даже мечети представляли официальный образ неславянских граждан, проживающих на востоке России и в южных республиках Союза. Глобальные социалистические города являли собой особый пример того, как может происходить интеграция народов бывших

колоний — вначале народов царской России, а затем и других европейских государств⁸. Сегрегация населения по месту жительства, политические дебаты о возможности иммиграции, эпизодические межэтнические столкновения, которые были характерны для постколониальных Лондона, Парижа и других центров бывших империй в конце XX в. — всех этих проблем не было в Ленинграде и Москве. Но отсутствовала и формальная общественная жизнь, которая могла бы создавать школы, газеты и другие организации, представляющие общины меньшинств. Несмотря на то, что народам Кавказа и Центральной Азии не нужно было пересекать границу, чтобы пересечь в привилегированные глобальные города «своей» страны, там действовало требование, согласно которому эти граждане должны были зарегистрироваться по месту своего постоянного проживания — получить прописку. Транснациональная мобильность требовала знаний формальных механизмов, которые необходимо соблюдать при передвижениях по стране, а также сил и способностей, чтобы конвертировать глобальную мощь и амбиции СССР, сосредоточенные в двух его столицах, в свою пользу⁹.

Переезд в город проверял мигрантов на прочность и испытывал, насколько удачны их стратегии интеграции в центры советской жизни. Устные рассказы мигрантов свидетельствуют о важности и разнообразии эмоциональной жизни и о сообществах, сложившихся в разное время и в разных местах¹⁰. При всех различиях в инвестициях и внимании между центром и периферией, жители Кавказа и Средней Азии твердо верили в принципы социалистической идеологии и в ее риторику равенства, семьи и в особенности дружбы. «Дружба народов» явно не принадлежала к числу тех советских лозунгов, которые превратились, по словам Алексея Юрчака, в «пустые» и «бессмысленные» символы: этот принцип играл важную роль в становлении идентичности южных мигрантов¹¹. Мобильность позволила им понять, что такое дружба, и завести свои дружеские связи. Даже если новопривывшие жители самого ядра СССР

не сумели реализовать свои устремления полностью, они все равно испытывали удовлетворение, пусть иногда смешанное с чувством обиды на то, что им приходится жить вдали от дома. Для мигрантов, которые хотели улучшить качество жизни и в то же время поддерживать связи друг с другом, со своими этническими группами, с сообществом региона, куда они переехали, с большой советской семьей и в разной степени с самим советским режимом, все время сохраняя связь с родным домом, — для этих мигрантов счастливые воспоминания и сопереживание друг другу были важными эмоциональными ориентирами в общении. Апелляция к принципу дружбы народов стала механизмом, позволяющим потребовать от государства выполнения обещаний и призвать органы власти к ответу в тех случаях, когда опыт миграции приводил к неблагоприятным результатам. И хотя условия общения менялись, дружба была важным элементом в стратегиях мобильности и способствовала положительным эмоциям, которые помогали избежать угрозы потенциальной изоляции мигрантов, находившихся за тысячи километров от родного дома.

В Ленинграде и Москве, как и во всем позднем Советском Союзе, межкультурные связи стали определяющей чертой идентичности и социального статуса. Мигранты и местные жители одинаково использовали знакомства с разными людьми для создания личных, профессиональных и этнических связей, формирования чувства принадлежности к многонациональному, пусть и с доминирующим русским населением, Советскому государству. Культурные объединения и различия развивались в сложном соединении горизонтальных связей и вертикальных иерархий. Социальный статус, уровень образования, этническое происхождение и достижения народов; родной и новообретенный дом; религия; гендер — иногда пол — и гражданская позиция — все это играло важную роль в том, как советские граждане оценивали самих себя и друг друга. Какими были две столицы на самом деле: территорией для привилегированных

русских коренных жителей, для «белых», или же они были открыты для всех, кто желает внести свой вклад в развитие современного общества, независимо от их происхождения? Могли ли мужчины и женщины; христиане, мусульмане и атеисты, комсомольцы, члены компартии и беспартийные получить при равных усилиях равные результаты в этом модернизирующемся государстве? Ответы на эти вопросы, учитывая неоднозначность официальных заявлений, варьировались в зависимости от опыта межкультурного взаимодействия конкретных людей и от их индивидуального восприятия. Истории из жизни мигрантов подчеркивают сложный, глубоко личный характер каждого взаимодействия и связывают эти взаимодействия с более широким советским миром в контексте глобальной тенденции движения с периферии в центр в конце XX в.

Расизм препятствует интеграции мигрантов. Когда мигрантов в городах стало больше, выходцы с Кавказа и из Центральной Азии в Ленинграде и Москве, да и в целом в городах северной России, часто слышали в свой адрес пренебрежительное: «черные». Несмотря на то, что после Холокоста представления о расе в СССР, как и в Северной Америке и Европе, сместились с биологических на культурные критерии, расовая нетерпимость росла по мере того, как увеличивалось количество «небелых», прибывающих с периферии бывшей империи в крупные западные города¹². Понимание расы и расизма в основном оставалось на уровне принципа, согласно которому «человеческий вид [представлен] отдельными группами, каждую из которых определяют врожденные черты, общие для всех членов одной группы и отличающие их от членов других групп. Хотя группы представляют один и тот же вид, они неравны по статусу»¹³. Разделение по расовому признаку противоречило принципу дружбы народов, в соответствии с которым мигранты, наряду со всеми советскими гражданами, могли чувствовать себя частью, пусть и не совсем равной, одного целого. «Черные» мигранты объясняли повседневный расизм, с которым они

сталкивались в Ленинграде и в Москве, особым восприятием местных жителей того, как они выглядели, разговаривали и вели себя. Они замечали проявления расизма, выраженные в неуважительном отношении к приезжим, в косых взглядах, снисходительной речи или унижениях, вплоть до проявлений насилия, пусть даже все эти нападки не могли сравниться с жестокостью в городах Запада по отношению к местным темнокожим¹⁴. По мере увеличения числа кавказских и среднеазиатских торговцев на улицах, автобусных остановках и станциях метро в 1980-х гг. обстановка в двух столицах все больше накалялась: препирательства на рынке могли обернуться потасовкой, а милиция была агрессивно настроена по отношению к торгующим мигрантам. Помимо оскорбления «черные», появился еще один эпитет — «лица кавказской национальности» (сокращенно ЛКН). Так стали называть еще более широкий круг — всех темнокожих и темноволосых советских людей, что серьезно огорчало солидные татарские общины Ленинграда и Москвы. Эпитеты, возникшие в советскую эпоху, сохранились до времени, когда мы проводили большую часть интервью для нашего проекта: тогда, в первой декаде 2000-х гг., эти оскорбления звучали во время актов жестокого насилия на расовой почве в Санкт-Петербурге и Москве¹⁵.

Однако в рассказах мигрантов о жизни в Ленинграде и Москве тема расизма возникала довольно редко, хотя и вызывала сильную эмоциональную реакцию. Новоприбывшие готовы были заплатить такую цену за шанс добиться успеха в центральных и самых престижных городах Советского Союза. Они с особым вниманием относились к формальным и неформальным связям и отношениям, которые могли бы «связать мигрантов и местных жителей в комплексной сетевой структуре социальных ролей и взаимозависимых отношений»¹⁶. Система обязательной регистрации по месту жительства в Ленинграде и Москве допускала различные отклонения и исключения. Городские власти разрешили или просто не смогли остановить

растущую уличную торговлю или другие формы мобильности в сфере услуг и строительства, а также в секторах, требующих профессионального образования. Молодость и активность мигрантов наполняли стареющие столицы энергией, а сами приезжие поставляли более качественные товары и услуги, чем государство, и при этом демонстрировали свою верность советской системе. И в позднесоветский период неформальные связи между жителями в большей степени характеризовали быт двух столиц, нежели формальности.

В воспоминаниях мигрантов преобладают представления о доме: о родных городах, находящихся за тысячи километров, о новообретенном доме в Ленинграде и Москве, а также о Советском Союзе как доме в более широком смысле. Дом в восточных областях или в южных республиках не только служил утешением, но и напоминал мигрантам о том, что время, проведенное в Ленинграде и Москве, может открыть новые семейные и, возможно, региональные стратегии мобильности. Общее гражданство и новые или уже созданные сетевые связи облегчали первичную адаптацию в Ленинграде и Москве, но новоприбывшие справлялись со всеми препятствиями: от холодного климата до холодного приема со стороны местных жителей. Поскольку в городах отсутствовали этнические кварталы, такие как на Западе, которые могли бы дать мигрантам почувствовать себя дома и отгородить их от сообщества местных жителей, советским мигрантам приходилось самим осваивать новые пространства. Чьи-то квартиры, общежития для студентов и рабочих разных национальностей, рестораны, Мавзолей Ленина и даже Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ) в Москве выступали в качестве площадок, где новоприбывшие жители столиц могли оживить воспоминания о доме: новом, родном, этническом, и большом советском доме. Это позволяло облегчить для них интеграцию в города, в которых, как они верили, имели право жить если не люди со всего мира, то представители всех народов СССР.

Советские мечты об успехе и статусе, комфорте и включенности в коллектив составляли основу ожиданий и мыслей мигрантов и даже приукрашивали их воспоминания¹⁷. Мигранты искренне верили, что государство, равнодушное к цвету кожи, предоставит способы мобильности — как социальной, так и географической — и свободу выбора профессии, если не для них самих, то хотя бы для их детей. Эти приезжие представляли собой в некотором роде воплощение раннесоветских идей Николая Бухарина: они были «сознательными производителями своей собственной судьбы [и] действительными кузнецами своего будущего»¹⁸. Их представления об индивидуальных правах, привилегиях, их амбиции воплотить советскую мечту могли бы одновременно и подкрепить официальные заявления о будущем государства и общества, и бросить им вызов. Мигранты верили, что представители государства были обязаны помогать им в достижении целей, что вписывалось в их образ развитого общества. В популярных представлениях образу современного привилегированного городского жителя больше соответствовали горожане с профессиональными навыками, нежели выходцы из рабочих и крестьян.¹⁹ Но образование и упорство могут быть важнее социального или этнического происхождения. В Советском Союзе, как и во всех промышленно развитых странах, мигрантам удалось изменить представления о прогрессе, что и позволило им покинуть «Азию» и стать частью «Европы»²⁰.

Истории мигрантов децентрируют нарративы о государстве или России и позволяют увидеть, как обычные или выдающиеся люди из разных уголков страны понимали идею Советского Союза и конструировали позднесоветские реалии. Слушая о том, что заставило какого-то человека покинуть маленькую кыргызскую деревню, уютный грузинский городок или же космополитический азербайджанский или таджикский город, мы понимаем, каким образом периферия и ядро, личные и государственные интересы, чувства

и действия взаимно конституировали друг друга. Политика и сети, амбиции и возможности, берущие начало за тысячи километров от Ленинграда и Москвы, снабжали столичные университеты талантами, рабочие места — трудом, желудки городских жителей — продуктами, а их дома — цветами. Энергия торговцев из Средней Азии и с Кавказа, стремящихся «с нижних позиций наверх» и «с периферии в центр, дала ход», как назвал это Джеймс Миллар, «малой сделке». Государство, по молчаливому соглашению, предлагало, пусть не на постоянной основе и не всегда охотно, место, но не устраивало людей на работу и не предоставляло им товары. Эта сделка позволяла удовлетворить потребности и желания все более требовательных жителей крупных центральных городов в брежневскую эпоху²¹.

То, насколько переплетены между собой советский центр и окраины Союза, запутанный характер связей и взаимоотношений, усложняет понимание того, был ли Советский Союз империей или не был. Очень ценное исследование грузинской общины в Москве, осуществленное Эриком Скоттом, хотя и раскрывает запутанные политические (а также культурные, социальные и экономические) связи между центром и Грузинской республикой, в итоге приводит к заключению, что СССР можно назвать империей, но империей «мобильных диаспор»²². Адиб Халид предлагает характеризовать Советский Союз как «современное мобилизационное государство»; а устные рассказы мигрантов доказывают, что мобилизация может возникать как снизу, так и сверху²³. Модернизация в Советском Союзе шла рука об руку с имперскими идеями и практиками. То, что в центре появлялось все больше благ, было следствием энергичной работы всех граждан и использования ресурсов, поступающих из всех регионов. Эти привилегии распространялись — хотя и неравномерно — через официальные и неофициальные каналы, и блага поступали местным жителям и переселенцам по всему

СССР²⁴. Спустя десять с лишним лет после распада СССР сами советские мигранты, за некоторыми примечательными исключениями, не решались назвать Советский Союз империей. Они признавали, что разница в уровне благосостояния и инвестиций вынуждала южные республики заниматься добычей сырья и поставками продуктов, и, конечно же, это было продолжением имперских идей и утверждало практику русского превосходства. Но легкость в передвижении по стране и гражданство, которое предоставлялось всем вне зависимости от национальности, выступали, по их мнению, более важными факторами, чем упомянутая разница в уровне благосостояния. Советский Союз остается уникальным человеческим и государственным экспериментом, в котором одновременно уничтожалось и утверждалось региональное, имперское и глобальное неравенство, сохранившееся и усилившееся в постколониальном мире конца XX в.

Также истории мигрантов, наряду с официальной, пусть и не совсем полной статистикой, газетами и архивными источниками, предлагают новые способы периодизации позднесоветской эпохи. Начиная с позднего периода правления Хрущева концентрированные инвестиционные потоки были направлены в центральноевропейские регионы и новые богатые ресурсами районы СССР, что уже к концу 1970-х гг. привело к недостаточному финансированию как в сельской местности, так и в городах Средней Азии и Кавказа. И так как жители Юга стремились увеличить свои доходы, началась экономическая миграция: на улицах Ленинграда, Москвы и других крупных русских городов появилось много так называемых темнокожих торгашей.

Их присутствие изменило городской ландшафт и вызвало негативную реакцию местных жителей, хотя качество и стоимость привезенных товаров были оценены по достоинству. А потом милиция, получив от муниципальных властей приказ очистить московские улицы к Олимпиаде 1980 г., начала

«зачистки». «Черных» торговцев «вывезли на 101-й километр»²⁵ — туда, где уже не требовалась московская прописка. Одновременно с этим начались государственные кампании по переселению граждан, особенно из Средней Азии, в регионы с дефицитом рабочей силы — в первую очередь на Дальний Восток России (поскольку советские власти по всей стране пришли к выводу, что советская экономика не могла больше финансово поддерживать растущее население Юга). Следующие изменения наступили не в эпоху перестройки, а в турбулентном 1990 г. Жизнь на периферии стала еще труднее, после того как политическим решением были сокращены государственные расходы на наиболее бедные республики, что вызвало национальные волнения и жестокую реакцию на них со стороны государства. Движения за бóльшую автономию республик в составе СССР теперь выступали за полную их независимость. В условиях политической неопределенности и все более тяжелых условий жизни мигранты, приехавшие в Ленинград и Москву до и во время 1980-х гг., не могли понять, стоит ли им там остаться или лучше вернуться домой. Из-за дефицита продовольствия пропало ощущение безопасности, а реформы в СМИ 1990 г. предоставили легальную трибуну для националистических и расистских высказываний. Мигранты отмечают, что в этот период вплоть до официального распада Советского Союза они утратили веру в СССР как в государство, где усилия и активность обязательно будут вознаграждены.

Сложно понять и подсчитать, насколько многонациональными были Ленинград и Москва, поскольку в этих городах действовала «политика непризнания» национальных меньшинств²⁶. А в довольно подробные ежегодные переписи населения не включали статистические сведения об этническом происхождении жителей²⁷. Статистика официальных отчетов, предназначенных для широкого круга читателей, отображала исключительно белокожее славянское население городов²⁸. Советские муниципальные власти были убеждены, что, получив

в Ленинграде и Москве все навыки, мигранты с Кавказа, из Средней Азии или других менее развитых регионов СССР обязательно уедут домой, увезя и навыки, и все заработанные в городах деньги. В дружбе народов не они, а русские должны были сыграть роль «старшего брата», несущего прогресс в отдаленные республики. Данные Всесоюзной переписи являются единственным официальным источником, содержащим данные по этническому составу населения. Самые ранние подсчеты касаются татарского населения, из-за более ранней интеграции и относительной географической близости к европейской части СССР: в 1959 г. в Москве их насчитывалось 80,5 тыс. человек, притом что численность армянского, грузинского, чувашского и мордовского населения была чуть больше 5 тыс. человек²⁹. Количество мигрантов с советского Юга в городах постоянно росло: по данным Всесоюзной переписи уже в 1989 г. было зарегистрировано более 30 тыс. человек из Средней Азии как в Ленинграде, так и в Москве, в дополнение к более чем 30 тыс. выходцев из Азербайджана³⁰. Определенно существует шанс, что в государственной статистике, основанной на самоидентификации граждан, недостаточно представлены этнические меньшинства, которые могли причислить себя к русским или, что более вероятно, вообще не участвовать в переписи³¹. Как отмечает Вера Глубова, в последнее советское десятилетие в переписях все чаще стали занижать численность представителей этнических меньшинств, потому что миграция из советской Азии в Москву была в два-три раза выше, чем из европейской части страны³². Ольга Вендина пишет, что к концу советской эпохи представители кавказских и среднеазиатских народов составляли значительную часть всего нерусского населения столицы (доходившую до 20% от общего числа жителей)³³.

Для нашего проекта мы провели семьдесят пять устных интервью с бывшими советскими гражданами, среди которых были студенты и специалисты, торговцы и владельцы магазинов, квалифицированные и неквалифицированные рабочие,

туристические агенты и демобилизованные солдаты³⁴. Респонденты представляли разные национальности: буряты, народы северного Кавказа, армяне, азербайджанцы, грузины, казахи, кыргызы, таджики и узбеки, которые прожили месяцы или годы в Ленинграде и Москве с 1950-х по 1990-е гг., но в основном в последние два десятилетия советской эпохи. В мое исследование также включены рассказы ученых и журналистов³⁵. Сборник интервью скорее выполняет иллюстративную, а не репрезентативную функцию. Я ставил перед собой цель запечатлеть как можно больше аспектов миграции, то есть описать миграцию глазами, словами и воспоминаниями тех, кто непосредственно был ее участником и наблюдал ее последствия в Ленинграде, Москве и других ближних и дальних точках позднего Советского Союза.

Эти устные рассказы дают уникальную возможность заглянуть в советскую повседневную жизнь. При изучении такого динамичного процесса, как миграция, важно прислушаться к голосам тех, кто участвовал в движении. Их рассказы свидетельствуют о том, как «матрицы социальных условий влияют на людей и формируют их личность, а также то, как люди, со своей стороны, на них реагируют, как действуют и как меняют арену социальной жизни»³⁶. Эти источники приобретают дополнительную ценность при изучении таких современных государств, как СССР, которые скрывают масштабы и уменьшают значимость человеческой мобильности как формального, так и в особенности неформального характера³⁷. В приложении к данной книге подробно описана предыстория этих интервью и те трудности, которые возникали во время их проведения, ведь на ответы, полученные в ходе разговоров, могут влиять такие факторы, как, например, языковой барьер, обстановка и восприятие интервьюера (или же характер общения между ним и респондентом)³⁸. Кроме того, то, какие слова подбирают разные люди и как описывают жизнь в целом, зависит от их стратегий повествования. В воспоминаниях

мигрантов переплетены прошлое и настоящее. Вспоминая советское прошлое, проведенное в Ленинграде и Москве, они хорошо отзывались об этом времени, сравнивая его с постсоветским периодом, когда с 2005 по 2011 гг. акты насилия на расовой почве ежегодно забирали десятки жизней³⁹. Контраст между советскими и постсоветскими опытом миграции в интервью, несмотря на то, что вина за проявления ксенофобии и насилия, которые мигрантам пришлось испытать в 2000-х гг., неожиданно смещалась, подчеркивал отчетливо задокументированную ностальгию по «воображаемой эмоциональной карте» СССР, на которую бывшие советские граждане наносят свои представления о стабильности, общности и взаимном доверии⁴⁰. Особенно сильно в их голосах улавливается тоска по тому времени, когда молодыми они были мобильны и мечтали добиться успеха. Мигранты с нежностью вспоминали время, когда они верили, что все препятствия можно преодолеть и ничто не предвещает беды⁴¹.

Наряду с рассказами мигрантов мы изучали широкий спектр печатных источников, которые дают представление о том, какие государственные практики и какая реакция властей сопровождали миграцию в позднесоветское время. Архивные исследования проводились на материалах Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива города Москвы и Центрального государственного архива общественно-политической документации Кыргызской Республики. Доступ к архивам в Азербайджане мне получить не удалось. Ленинградские, московские и ташкентские газеты помогли мне понять, как межнациональные отношения и миграция официально были представлены в самом СССР. В эпоху гласности дискуссии в СМИ о советской экономике, мобильности и межнациональных отношениях постепенно угасают, хотя между официальной и новой, откровенно националистически

и расистски настроенной прессой, заполонившей улицы Ленинграда и Москвы в 1990–1991 гг., сохраняется огромная разница. Оживленные дебаты о последствиях советской инвестиционной политики, о демографии, о сети взаимосвязей в мультикультурных городах велись как в советском, так и в западном исследовательском сообществе. «Этносоциология», направление, возникшее в Ленинграде и Москве в 1980-х гг., а также историки, демографы и другие советские ученые представили исследования, посвященные мобильности⁴². Они уравнивали невообразимо радужные повествования о советской жизни в Ленинграде и Москве, которые были рассчитаны на широкую аудиторию. Часто такая позитивная повестка подкреплялась примерами из жизни людей — подобные свидетельства мне приходилось читать в библиотеках Баку, Бишкека и Ташкента. Какое бы многостороннее описание ни пыталось дать это исследование, все же оно может предложить лишь фрагменты действительности и частичную картину жизни в многонациональном глобальном мире Ленинграда и Москвы. Ни одному государству конца XX в., существующему вплоть до настоящего времени, не удалось успешно организовать потоки мигрантов, прибывающих с окраин — в основном из бедных и (или) бывших колониальных регионов — в крупные города, а тем более открыто обсуждать или изучать это движение⁴³.

Эта книга состоит из семи глав, разбитых на три раздела. Главы 1 и 2 раскрывают имперский, советский и всемирный контексты миграции и описывают основы межнациональных отношений в СССР. Общее гражданство противоречило идее первенства русских, и люди с Кавказа, из Средней Азии и азиатской части России взвешивали свое место — как дома, так и за его пределами, по всему Советскому Союзу. Главы 3–5 прослеживают, как проходила интеграция советских мигрантов в Ленинграде и Москве. Формирование опыта миграции зависело от первых встреч, а также от индивидуальных

мотивов и стратегий мигрантов. Новоприбывшие жители городов боролись за то, чтобы преодолеть разницу первоначальных условий и не позволять воспринимать себя через призму изначального неравенства. С тех пор как мигранты появились в Москве и Ленинграде, они стали неотъемлемой частью жизни двух столиц.

Последний раздел, состоящий из глав 6 и 7, посвящен двум главным поворотным моментам, произошедшим в последнее десятилетие советской эпохи. Глава 6 представляет рассказы четырех торговцев: одного азербайджанца и трех выходцев из Средней Азии. Их истории подчеркивают то, какой размах приобрело советское предпринимательство на рубеже 1980-х гг., а трогательные рассказы о жизни описывают эмоциональные и бытовые трудности неофициальной миграции. С оптимизма, которым встретили перестройку Михаила Горбачева, начинается глава 7. Найдет ли советское государство правильный подход к социетальному динамизму или же будет его игнорировать? Начало 1990-х гг. ознаменовалось стремительной эрозией государства и всех его институтов. По мере обострения продуктового дефицита и роста актов насилия по отношению к мигрантам вопрос о том, стоит ли остаться в Ленинграде и Москве или же вернуться домой, вновь стал актуальным и потребовал переоценки ценностей. В заключении в воспоминаниях мигрантов изучаются идеи дома и тоска по Советскому Союзу в первые десятилетия после его распада. Дискурсы советского общего дома появляются на протяжении всей книги: они не только играют роль в формировании индивидуальной, национальной или наднациональной идентичности, но и формируют ощущение более широкого сообщества, придавая особый смысл связи с домом. Пусть советская политика не имела, по воспоминаниям мигрантов, прямой связи с их повседневной жизнью, она во многом сформировала их цели и стратегии поведения. Опыт советской жизни косвенно проникает в их нарративы и сегодня.